

КАЛМЫЦКОЕ ХАНСТВО В СОСТАВЕ РОССИИ: ЧЕРТЫ ФРОНТИРА

А.В. Цюрюмов
(Россия, Элиста)

Изучено положение Калмыцкого ханства XVII–XVIII вв., которое находилось на южных границах России. Показаны особенные черты фронта.

The article examined the position of the Kalmyk Khanate XVII–XVIII centuries, which was located on the southern borders of Russia. It also showed special features of frontier.

Ключевые слова: история России XVII–XVIII вв., калмыки, кочевники, фронт, национальная политика.

Key words: history of Russia XVII–XVIII c., kalmyks, nomads, frontier, national policy.

Изучение истории российской государственности предполагает учет опыта становления ее многонационального состава. Существенно дополнить исследование этого процесса позволяет изучение истории калмыцкого народа, в начале XVII в. откочевавшего из степей Западной Монголии и создавшего в Нижнем Поволжье государственность в форме ханства. Образовавшееся государство калмыков стало в указанное время, наряду с гетманской Украиной, одним из крупнейших национальных политических образований в составе Российского государства.

Особый интерес вызывает вопрос о роли и месте Калмыцкого ханства во внешнеполитической системе России. Как известно, калмыки играли важнейшую посредническую роль в русско-турецких и русско-крымских отношениях, а также в продвижении России на Северном Кавказе. В результате был создан противовес крымской агрессии и укреплены южные границы России.

Данная статья посвящена достаточно новому в современной историографии понятию «история пограничных областей» (Borderlands history). Но в постсоветской историографии появилось целое направление исследований, связанных с понятием «фронт» [1; 8, с. 42]. Термин «фронт» впервые был выдвинут известным американским историком Ф.Д. Тернером [7, с. 586–589]. Согласно его концепции, *фронт* (frontier – граница) – это место, где проходила наиболее быстрая и эффективная американизация переселенцев из Старого Света и где постоянно воспроизводились условия, в которых формировались специфические американские институты. Развивая положения Тернера, исследователи вкладывают разное содержание в понятие «фронт», трактуя его как «подвижную границу» между заселенной и незаселенной территориями, как «место встречи дикости и цивилизации» и т.д. Используя именно модель фронта, американские исследователи достаточно продуктивно изучают историю ряда регионов России [9; 10; 11; 12]. В России характерные черты американского и российского фронта также исследовались в целом ряде работ, в которых это понятие имеет несколько иное содержание. Выделяются следующие фронты: Сибирь, Кавказ, Башкирия, Дальний Восток. К фронту исследователи относят территории донского, терского, яицкого казачества в ранний период их истории [4; 6, с. 48–49].

Конечно, единой модели фронта не существовало. Поэтому важно исследовать отдельные модели с их региональными отличиями. Целью данной работы является анализ указанного понятия на материале Калмыцкого ханства, выявление черт калмыцкого фронта.

Американский исследователь Р. Бауманн в своем исследовании о нерусских народах в российской армии выделяет следующие закономерности: 1) русские с готовностью пользовались туземными силами в пограничных регионах и не отказывались от этой практики даже встретив сопротивление среди рекрутированных; 2) национальные отряды сослужили хорошую службу империи и с военной, и с социальной точек зрения; 3) введение всеобщей воинской повинности и осуществление национальной политики усилило меры по разложению иррегулярных национальных отрядов в районах, попавших под контроль России, и полной интеграции инородцев в регулярную армию; 4) никакое политическое давление не может быть альтернативой реальному факту проживания в империи [3, с. 137–138].

Для России, пытавшейся укрепить южные границы системой буферных полувисимых военно-государственных образований Украины и Дона, появление в Поволжье калмыков было, как нельзя, кстати. Калмыки, располагавшие в это время значительной военной силой и сложившейся военной организацией, в этой системе должны были заменить ногаев. Активные наступательные действия калмыцкой конницы на крымском направлении позволили московскому правительству использовать главные вооруженные силы на западном направлении, одновременно вынуждая Крым держать крупные силы под Азовом и на Кубани. Для Москвы это событие имело стратегическое значение, поскольку была решена одна из важнейших задач приобретения столь важного звена в системе внешней политики России.

Как известно, в марте 1723 г. сенатским Указом «Об определении в пограничные города на заставы особых команд из армейских полков» Военной коллегии предписывалось организовать заставы из солдат с целью предотвращения разбойных нападений из-за рубежа. Собственно, это и есть момент создания постоянных пограничных войск России. Но в междуречье Яика – Волги – Дона таких формирований не существовало, пограничную службу фактически несли формирования калмыцких ханов.

В период русско-польской войны 1654–1667 гг. начался процесс привлечения вооруженных сил ханства. Анализ источников позволяет сделать вывод о том, что появление на территории Нижнего Поволжья калмыков, имевших значительный военный потенциал, превратило регион и прилегающие к нему земли в надежный кордон на пути турецко-крымских войск в центральную Россию. Существование калмыцких кочевий стало важным фактором дипломатического и военного сдерживания планов крымских правителей, а также способствовало формированию государственной границы России на юге.

С начала XVIII в. Калмыцкое ханство продолжало играть значительную роль в охране южных границ государства. Наряду с участием в военных кампаниях в ходе Северной войны, охранная служба калмыков стала одним из главных видов их военной службы. Безусловное привлечение вооруженных сил ханства, постепенно превращавшихся в иррегулярные вооруженные формирования, можно рассматривать как часть петровской военной реформы. Формируя многочисленную иррегулярную конницу и проводя во втором десятилетии губернскую реформу, Петр I в итоге форсировал процесс военно-политической интеграции ханства в состав России.

Ситуация стала меняться после откочевки большей части калмыцкого народа в Китай в 1771 г., вследствие чего правительство России стало спешно создавать Терское казачье войско.

Территория Астраханской губернии являлась плацдармом дальнейшего продвижения на Кавказ и Среднюю Азию, поэтому в губернии была создана упрощенная система административного надзора над Калмыкией, предполагавшая вмешательство в калмыцкие дела только в случае нарушения безопасности во всем регионе Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. В 1715–1723 гг. российское правительство расширяет сферу своего влияния путем активного вмешательства во внутри- и внешнеполитические мероприятия хана (выбор будущего наследника ханского престола, контроль за деятельностью Аюки). Главным аргументом для такого вмешательства декларировалось стремление установить порядок и обезопасить население ханства от внутренних усобиц и внешней агрессии. Результатом политики можно считать и следующее обстоятельство – русское население границы не отторгало, а активно впитывало в себя местный уклад, традиции, обычаи.

Одновременно правительство стремилось разъединить, противопоставить одни нерусские народы другим, используя сословное деление, предоставление привилегий, либо просто натравливая их.

В начале XVIII в. развернулась колонизация нижневолжских земель, а также придонских степей казачеством. Колонизационные процессы в междуречье Волги и Дона имели цель заселить пустующие окраины населением, создав тем самым людской резерв на случай военного противостояния с Крымом. Здесь необходимо учитывать, что фактор военной необходимости доминировал над социально-экономическими и

культурными интересами. При этом правительство старалось при проведении политики одновременно обеспечить землей переселенцев и добиться лояльного отношения калмыков. Поэтому правительство, будучи заинтересованным в поставке калмыцких лошадей, разработало в отношении кочевников ряд протекционистских законов.

Считаем, что правительственная политика способствовала размежеванию переселенцев и кочевников, способствуя не только их взаимному отчуждению, но и консервации традиционного общественного устройства, хозяйственных и культурных традиций. Территория калмыцких кочевий стала местом соприкосновения кочевой и оседлой цивилизаций. Здесь, по сути, проходила граница разного типа культур, образа жизни. Поэтому неудивительно, что одновременно происходило столкновение цивилизаций, и в то же время мы отмечаем процессы торгового, политического и культурного взаимодействия и взаимного влияния.

И кочевая, и земледельческая цивилизация имеет определенные границы выживаемости, которые в основном соответствуют природно-климатическим зонам. Исключения составляют естественные пограничные зоны, в которых могло развиваться как земледелие, так и кочевое скотоводство. Именно эти территории были основными аренами битв кочевников и земледельцев. Таковыми на запад от калмыцких кочевий стали земли донского казачества, на восток – яицкого.

Взаимоотношения кочевников и оседлых народов нельзя сводить только к жесткому противостоянию двух миров. Как писал академик В. Бартольд, «европейскими учеными обыкновенно принимается в расчет только избиение кочевниками жителей культурных стран; на самом деле политическое объединение кочевников и в этом случае, как во всех других, было достигнуто только после долгой и кровавой борьбы, иногда связанной с систематическим истреблением целой народности, так что трудно было сказать, было ли истреблено войском Чингис-хана больше народа в степи или в культурных странах. Столь же трудно было доказать, что монгольские завоевания принесли выгоды только кочевникам и только ущерб оседлому населению» [2, с. 124]. Поэтому отношения земледельцев и кочевников – это не только борьба, но и взаимное поглощение, хозяйственная интеграция, первой стадией которой стала торговля в форме обмена.

При этом нельзя забывать, что ассимиляция – это процесс обоюдный. Приобщение кочевников к оседлой цивилизации требует времени и определенных усилий со стороны скотоводов.

Зачастую в литературе под хозяйственной интеграцией подразумевают развитие земледелия у кочевников. История, конечно, знает достаточно большое количество примеров, когда осуществлялся переход от оседлости к кочевничеству и наоборот. На наш взгляд, здесь необходим обязательный учет природно-климатических условий. Поэтому оседание кочевников носит достаточно сложный характер. По этому вопросу Э.С. Львова отмечает, что «последние исследования показывают, что отказ традиционно кочевых народов от привычного образа жизни в пользу земледелия или иных занятий нередко воспринимается ими как мера вынужденная и зачастую временная, и при благоприятных условиях и росте стада до шести и более голов на человека земледелие забрасывается. Даже утратившие кочевое хозяйство бывшие скотоводы-кочевники сохраняют память о традиционной структуре и выступают за ее воссоздание» [5, с. 46].

Появившихся в Поволжье калмыков и соседнее русское население разделяла религия. В то же время в сознании представителей местных российских властей религиозная принадлежность калмыков определяла их поступки и мораль. Поэтому государственная политика России в данном вопросе была достаточно осторожная и гибкая. В течение всего периода неизменно отмечаем определенную веротерпимость в политике России, которая отличалась от попыток насильственной христианизации некоторых других народов. Но политика предоставления убежища беглецам естественным образом вела к конфликту между национальной элитой и простым народом. Тем самым правительство стремилось ослабить владельцев и увеличить свое влияние среди местного населения.

Итак, прежде всего, необходимо выделить военный фактор, связанный с активной внешней политикой России, ее отношениями с Турцией, Крымом, Персией и народами Северного Кавказа. Поэтому основополагающей чертой является наличие пограничной линии, имевшей свойство постепенно перемещаться по мере освоения и интеграции в состав государства новых территорий.

Во-вторых, наличие национальных воинских формирований, несших на линии окранныю службу, которая регламентировалась государством. Немногочисленные регулярные части русской армии практически не привлекались к пограничной службе.

Следующим компонентом была гибкая национальная политика, проводимая правительством. Характерной особенностью фронта являлась земельная политика государства, которая была направлена на обеспечение лояльного отношения местного населения к нему и одновременно на обеспечение вновь заселяемой границы земель под крепостное строение и раздачу ее поселенцам. К фронтному фактору мы отнесем также и веротерпимость правительства, проявляемую им в течение всего периода существования.

Список литературы

1. Американские исследования в Сибири // Американский и Сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории) : мат-лы Междунар. науч. конф. (4–6 октября 1996 г.). – Томск : ТГУ, 1997. – 304 с. – Вып. 2.
2. Бартольд В. В. Тюрки: двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии / В. В. Бартольд. – Алматы, 1993. – 194 с.
3. Бауманн Р. Подвластные народы на военной службе в Российской империи: на примере башкир / Р. Бауманн // «Любезные вы мои...». – Уфа : Башк. книж. изд-во, 1992. – С. 117–138.
4. Зиннуров Р. Н. Колонизация Башкортостана и Северной Америки / Р. Н. Зиннуров // Ватандаш. – 1998. – № 2.
5. Львова Э. С. Восточный социум: взаимодействия кочевников и земледельцев. Африканский вариант / Э. С. Львова // Восток. – 2001. – № 4. – С. 39–47.
6. Рахимов Р. Н. Американский и российский фронт: продвижение пограничных линий в XVI–XIX вв. / Р. Н. Рахимов // Мат-лы юбилейной науч.-практ. конф. препод. историч. ф-та, посвящ. 40-летию Башкирского ун-та. – Уфа, 1997.
7. Словарь американской истории с колониальных времен до первой мировой войны. – СПб., 1997.
8. Словарь исторических терминов / сост. В. С. Симаков. – СПб., 1998.
9. Bruce W. Menning Military Institutions and the Steppe Frontier in Imperial Russia, 170–1861 / W. Bruce // International Commission of Military History. – ACTA 5. – Bucharest, 1981. – P. 174–194.
10. George V. Lantzeff Ceastward to Empire: Exploration and Conguest on the Russian Open Frontier to 1750 / G. V. Lantzeff, R. A. Pierce. – Montreal, 1973.
11. Joseph L. Wieczynski. The Russian Frontier / J. L. Wieczynski. – Charlottesville, 1976.
12. Judith Pallot. Landscape and Settlement in Romanov Russia, 1613–1917 / J. Pallot, D. J. P. Shaw. – Oxford, 1990.

ПРОСВЕЩЕНИЕ НАРОДОВ ЮЖНОЙ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.: ПОИСКИ ИНТЕГРИРУЮЩЕГО КОМПОНЕНТА КАК ОСНОВЫ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

К.Ф. Лиджеева
(Россия, Элиста)

Общество на каждом историческом этапе развития достигает определенного уровня социально-экономического и культурного развития, а государство в соответствии с этим определяет направления для перспективного развития страны. Поиски оптимальных путей развития образовательной сферы России в начале XXI в. вызывают интерес у исследователей к проектам просвещенческой политики, осуществляемой государством на рубеже XIX – XX вв., в частности, в южнороссийском регионе. Целью настоящей работы является рассмотрение проблем интеграции народов юга России, в данном случае, Северного Кавказа и Калмыкии, в общероссийское образовательное пространство.

Society at each historical stage of development reaches a certain level of socio-economic and cultural development, and the State in accordance with that direction determines for future development. The search for optimal ways of development of education in Russia beginning of the XXI cen-